

УДК 811.511.112'373.2(045)

*Е.В. Каракин, Т.В. Пашкова***ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕНОВАНИЙ
С КОМПОНЕНТАМИ VAROI, VARIS 'ВОРОНА', HARAKKA, HARAKKU 'СОРОКА'
И BRON'I, KORPPI 'ВОРОН' (НА МАТЕРИАЛЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА)**

В данной статье представлен лингвокультурологический потенциал именований с компонентами *varoi*, *varis* 'ворона', *harakka*, *harakku* 'сорока' и *bron'i*, *korppi* 'ворон' в карельском языке. Научная новизна исследования определена во впервые проведенном анализе именований с упомянутыми компонентами. Актуальность представленного научного изыскания определяется необходимостью изучения лексического состава карельского языка. Ранее исследователи не обращались к данной проблеме на карельском материале. Источниковой базой для сбора языкового материала послужили полевые материалы авторов, образцы речи и диалектные словари карельского языка. Выявлено, что исследуемые наименования встречаются в названиях заболеваний, фразеологизмах, приметах, пословицах и др. Как правило, эти орнитонимы несут в себе негативную коннотацию, так как в народных представлениях считаются птицами, имеющими связь с другим миром и являющимися его проводниками.

Ключевые слова: карельский язык, языковая картина мира, орнитоним, верования карелов, фольклор.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-281-286

Птицы занимают особое место в языковой картине мира карелов, т.к., с одной стороны, они тесно связаны с бытом, хозяйством и промыслами народа, а с другой – выступают как важный элемент религиозно-мифологической системы и ритуалов, обладающих разнообразными функциями. Эти представители фауны широко представлены в традиционной культуре карелов: в свадебных обрядах, народной медицине, похоронно-поминальной обрядности и пр. Орнитонимы активно используются в карельских диалектизмах для различных номинаций (например, оценочной характеристики человека), кроме того, наименования птиц в большом количестве зафиксированы в карельском фольклоре: приметах, фразеологизмах, пословицах и др.

Семейство врановые – типичные синантропные птицы, которые живут бок о бок с человеком и во многом зависят от него. В Карелии семейство врановые представлено следующими видами: ворон, ворона, сорока, грач, галка, сойка, кедровка и кукушка [4, с. 140].

В данной статье авторы остановили свое внимание на наиболее ярких представителях семейства врановых с точки зрения их отражения в языке и культуре: вороне, вороне и сороке.

Актуальность представленного научного изыскания определяется необходимостью изучения лексического состава карельского языка. Ранее исследователи не обращались к данной проблеме на карельском материале, чего нельзя сказать о других прибалтийско-финских и шире – финно-угорских языках. На материале вепсского языка И.Ю. Винокурова рассматривает орнитонимы в монографии «Животные в традиционном мировоззрении вепсов» [1] и энциклопедии «Мифология вепсов» [2]; лексеме *рака* 'ворона, ворон' в коми-пермяцком языке посвящено исследование А.С. Лобановой [5]; к деривационно-фразеологической семантике названий птиц (включая ворону) в марийском языке обращается К.С. Юзиева [10] и др.

В диалектах карельского языка ворону обозначают именованиями *varoi* или *varis*. По данным этимологического словаря финского языка «*Suomen sanojen alkuperä*» наименование *varis* является прибалтийско-финским наследием, а слово *varoi*, распространенное только в карельском языке, образовано посредством диминутивного суффикса *-oi* [17, III, с. 410], утратившего в упомянутом названии уменьшительно-ласкательное значение, что, в целом, свойственно некоторым диалектам карельского языка (ср. *kägö* 'кукушка' + суф. *-i* → *kägöi* 'кукушка', *tuščö* 'молодуха, молодая жена' + суф. *-i* → *tuščoi* 'молодуха, молодая жена', но ср. *tuato* 'мама' + суф. *-i* → *tuatoi* 'мамочка, ласковое обращение к матери'). Согласно современным лингвистическим данным, наименование *varis* является ономато-поэтическим (см., например, [11]).

Существует и народная версия происхождения орнитонима *varoi*. Ворона раньше была перелетной птицей и, когда со всеми пернатыми полетела в теплые края, то перед ними возникло большое

море, все птицы полетели через море, а она испугалась и сказала *minä varaan* ‘я боюсь’. С тех пор ее и называют *varoi* [15, с. 120].

По сведениям этнолингвистического словаря «Славянские древности», в народных представлениях ворона или ворон – «...нечистые (дьявольские, проклятые) и зловещие птицы, связанные с миром мертвых» [3, с. 434], откуда они могли приносить, в числе прочего, и заболевания. Так, например, в диалектах карельского языка в лексемах, номинирующих болезнь цыпки, первый компонент представлен генитивными формами слов *varoi* (*varoin-*) и *varis* (*variksen-*): *variksenšoappoat*, *varoinsuappuat* букв. ‘вороньи сапоги’ [6, с. 418]; *varoinkotat* букв. ‘вороньи кóты (опорки)’ [6, с. 418], *varoinkäpčät* [6, с. 418], *varoinluapat* [12, VI, с. 502], *varoinsorkat* [6, с. 418] букв. ‘вороньи лапы’, *varoinvarbahat* букв. ‘вороньи пальцы’ [12, VI, с. 502]. В представленных наименованиях прослеживается метафорический перенос внешнего вида и особенностей кожного покрова лап вороны на симптомы заболевания цыпки: ороговевшая и потрескавшаяся кожа. В вепсских верованиях, ворона – носитель кожного заболевания *varišan jougad* (букв. ‘ноги вороны’) [2, с. 442]. Опираясь на сведения о представлениях карелов и вепсов о кожном заболевании цыпки, можно подметить, что упомянутые этносы также считали ворону представителем мира мертвых, точнее сказать, дьявольской птицей: *varikset om pahammiehen linnut; pahamies syö äijämpäivän uatuna hēlläkymmendä varista da harakkua yhteh veroh* ‘вороны дьявольские птицы; в пасхальное утро дьявол съедает сорок ворон и сорок за один присест’ [12, VI, с. 500].

Черный цвет вороны и ее громкий крик вызывали у людей негативные ассоциации (ср., например, у славянских народов «крик вороны – к несчастью» [3, с. 436]; у вепсов – «крик вороны возвещает о смерти и других несчастьях» [1, с. 76] и др.).

Отрицательная коннотация о вороне отразилась в следующих оценочных характеристиках человека:

– внешний вид или особенность внешности: *laihu ku varoi* ‘тощий’ (букв. ‘худой как ворон’) [12, VI, с. 501]; *riihivaris* ‘грязный неопрятный человек’ (букв. ‘рига’ + ‘ворона’) [8, с. 239]; *lakovar* ‘человек с плохой выправкой, согнутый’ (букв. ‘полёглая трава’ + ‘ворона’) [8, с. 130]; *vanha kuin varis* ‘о пожилom человеке’ (букв. ‘старый как ворона’) [ПМА]; *n’olgi varoi* ‘слюнтяй’ (букв. ‘слюна’ + ‘ворона’) [12, III, с. 522]; *kuuris varoi* ‘о плохо слышащем человеке’ (букв. ‘глухая ворона’) [9, с. 55]; *pasku varoi* ‘грязнуля’ (букв. ‘дерьмо + ворона’) [12, IV, с. 173]; *pukšuperze on kui varoil* ‘о человеке с большим задом’ (букв. ‘задница большая как у вороны’) [12, IV, с. 493]; *vanhal variksen silmät, kären silmät heidozella* ‘плохое зрение’ (букв. ‘у старого вороньи глаза, у девушки зрение дятла’) [12, II, с. 559].

– черты характера: *ahnas ku varoi* ‘ненасытный’ (букв. ‘жадный, как ворона’) [6, с. 16]; *emännät ounahat ollah ku varikset* ‘об излишней осторожности’ (букв. ‘хозяйки осторожные, как вороны’) [12, IV, с. 87]; *bron’i* ‘растяпа’ (букв. ‘ворона’) [7, с. 21]; *kui varoi broakkau pagizou, paginoil peäd ei ole* ‘болтун’ (букв. ‘каркает, как ворона, без конца’) [12, IV, с. 449]; *praukkuu kuin varis* ‘попрошайничает’ (букв. ‘каркает как ворона’) [ПМА]; *tulou kuin varis liitollah* ‘о пунктуальности’ ‘букв. приходит как ворона в срок’ [12, III, с. 106]; *ei ole variksen suus kesiä ni talvie* ‘о вруне’ (букв. ‘нет во рту вороны ни лета, ни зимы’) [13, с. 558];

– финансовая несостоятельность: *sil ženihäl on kodi taivahas, varoin paskat taiginas* ‘у того (‘хваленного’) жениха ничего нет (букв. у того жениха дом в небесах, вороний помет в квашне)’ [6, с. 257].

Лексема встречается в некоторых фразеологизмах, дающих оценку особенностям поведения человека, например, *kačo varoi lendäi suuh muga eänät suurel suul* ‘смотри, ворона залетит в рот, так кричишь громко (букв. большим ртом)’ [9, с. 233]; *kui varoi mökšötteä!* ‘сидеть тихо и неподвижно как ворона’ [12, III, с. 431].

В карелоязычных поверьях и приметах прослеживается образ вороны, как правило, несущей с собой, например, плохую погоду: *bron’it kruaketah vihmakši* ‘вороны каркают к дождю’ [7, с. 21].

Для обозначения сороки в карельском языке используются *harakka*, *harakku*, *hatakku*, *hačakku*, *račakka*. Вероятнее всего, слово *harakka*, как и большинство орнитонимов в карельском языке, звукоподражательного происхождения [17, I, с. 141]. С другой стороны, финляндские этимологи предполагают его балтийское происхождение (ср. лит. *šárka* ‘сорока’) [17, I, с. 141].

В устном народном творчестве сорока предстаёт перед нами как бойкая, непоседливая, скандальная птица. Своё отношение к сороке карельский народ выразил, например, в таких пословицах *ei harakka ole lindu, eigä kodivävy ole mies* ‘сорока не птица, примак не мужик’ или *harakku ei ole lindu, kodivävy musikku, kuoris ei ole kala* ‘сорока не птица, примак не мужик, корюшка не рыба’ [13, с. 49]. В сказках её называют неумолкающей лесной сплетницей и хохотуньей. И верно наши предки-сказители

подметили, такая она и есть на самом деле. Издали красивая, ехидная вблизи. Бесстыжая, коварная, разоряющая гнёзда и кормящая чужими птенцами своих – эта вертихвостка способна на всё, у чёрта голову отрезет и другому приставит [16, с. 114-120].

Такие же образы сороки прослеживаются и во фразеологизмах: *heittel'emättäh ääčättäy ku harakku* '[он] стрекочет не переставая, как сорока' [6, с. 40]; *ku harakat jaguo pietäh* 'шумят как сороки при делёжке' [6, с. 99]; *paskuharakku joga sijah eht'iy* 'сорока везде успеет [сунуться]' [6, с. 258]; *pyöriy gu harakku seibähän piäs* 'вертится как сорока на колу'; *skoččiu ku harakku* 'скачет как сорока' [6, с. 59]; *harakannu hačattua* 'пустословить (букв. стрекотать сорокой)' [9, с. 31].

Именование *harakka* довольно часто употребляется в карельском языке для оценочной характеристики человека:

– внешний вид: *harakanoprasa* 'образина; неопрятный человек' (букв. 'сорочье пугало') пма; *tyhju kuin harakan pašku* 'немошный, дряхлый' (букв. 'пустой как сорочий помёт') [9, с. 31];

– социальный статус: *harakanakku* 'перестарок, вековуха, старая дева' (букв. 'сорочья жена') [12, I, с. 170]; *harakkoinakka* 'женщина с внебрачным ребёнком' (букв. 'сорочья жена') [12, I, с. 172];

– черты характера: *harakka* 'болтун' (букв. 'сорока'); *paskuharakku* 'сплетница' (букв. 'жидкий кал' + 'сорока') [6, с. 257]; *savuharakka* 'торопыга; сплетница' (букв. 'дым' + 'сорока') [12, V, с. 309];

– болезненное состояние: *täiharakka* 'вшивый' (букв. 'вошь' + 'сорока') [12, VI, с. 361]; *šittaharakka* 'о часто испражняющемся ребенке' (букв. 'кал, дерьмо' + 'сорока') [12, V, с. 402];

Гнездо сороки в карельской лингвокультуре также наделено отрицательной коннотацией и выступает как символ бедности, нечистоплотности и забывчивости: *piä kun harakan pešä* 'плохая память' (букв. голова, как сорочье гнездо) [9, с. 31]; *minun eloz on kui harakanpezä* 'о бедности' (букв. 'моя жизнь как гнездо сороки') [12, I, с. 106]; *perit on ku harakampežä* 'грязная изба' (букв. изба, как сорочье гнездо) [12, I, с. 171].

С сорокой связаны некоторые приметы и поверья. Стрекотание сороки предвещает дурную весть, плохую погоду или приход гостей. Сороки предсказывают приход гостей. *harakka hatsattau pirt'im piällä, vierašta tulou* 'сорока стрекочет на крыше избы к гостям' [12, I, с. 185].

Сорока стрекочет к плохой погоде *lumišätiät ta purut tullah, kun harakka n'iin hačattau* 'снегопад или пурга будет, если сорока так стрекочет' [12, I, с. 185].

Harakku hatsattoa huondespäiväs paremboa, ildupäiväs pahemboa 'в первой половине дня сорока стрекочет к хорошему, во второй к плохому' [12, I, с. 185].

Сорока не стрекочет по хорошему поводу *ei hyvän iele harakku hačata* [12, I, с. 185].

Существовали поверья, связанные с бойкостью сороки: *blahvešen'n'an huondeksel sit harakkua pidi nähtä; nähtyy sanotah (kolmesti): harakku ku kurikku, minä ku harakku* 'если хочешь перенять бойкость сороки в работе, то утром на благовещение надо увидеть сороку и трижды произнести: сорока как дубина, я как сорока' [12, I, с. 171].

Äjjänpeän harakan näin huondeksel, sit kirmei roimmos, ku harakku kebjei 'на пасху увидела сороку и стала бойкой как сорока' [12, I, с. 171].

Левый глаз сороки использовали в качестве оберега от сглаза *harakan hura vasen silmy pannah kaglah lapsel, sid ei laps varoa suudelustu* [12, I, с. 171].

Стрекотание сороки в карельском языке символизирует ссору: *harakka kuin tulou pihah hatsattamah, šanotah što še tiedäy riidoa* 'если сорока во двор прилети стрекотать, то быть ссоре' [12, I, с. 171]. Характер сороки также нашел своё отражение в языке. Глагол *hačattua* имеет несколько значений: 1. стрекотать; 2. скандалить, препираться; 3. трещать, болтать, пустословить.

Карелоязычные наименования ворона широко представлены в диалектах: *bron'n'i, gron'i, gron'oi, klonku, kuarneh, korppi, varis, voron(a)*. По происхождению упомянутые именованья следует отнести к прибалтийско-финской оноματοпоэтической лексике (*klonku, kuarneh, varis*), русским заимствованиям (*bron'n'i, gron'i, gron'oi, vorona*) и шведским заимствованиям (*korppi*). Есть предположение, что слово *korppi* вытеснило исконно прибалтийско-финское название ворона *kuarneh, kuarnis*, по той причине, что ворон связан с несчастьем и шведское заимствование *korppi* стали использовать как эвфемизм, чтобы не произносить настоящее название птицы, тем самым не приглашая её [14, с. 138].

Ворон, самый крупный представитель семейства врановых, в карельской культуре выступает предвестником несчастья. Карелы считали, что в ворона нельзя стрелять, иначе ружье испортится *varikseh ei ammuta, ružja rikkuottšou* [12, VI, с. 500]. Ворон, появившийся на крыше дома, предвещает пожар: *kui voronat katoksel kl'unikutetah, ga siit se kod'i paloa* 'если вороны каркают на крыше дома, то

этот дом сгорит' [12, VI, с. 686]. Ворон, будучи падальщиком, является предвестником смерти человека или домашнего скота: *tänpäi voron goral kronkuttau, tuga kronkuttau, kengi kuolou* 'сегодня на горе (кладбище) ворон каркает, так каркает, наверное, кто-нибудь умрет' [6, с. 157]; *levos piäl'iči katon yli ku voron kronkehen kel lendäy, sid žiivattoo (karjaa) midätahto väl'ittyu* 'если ворон с криком пролетит над крышей дома, то скотина какая-нибудь подохнет' [12, II, с. 385].

Характеристика человека представлена в следующих идиомах:

– злорадный: *kl'onkahtelettos kui vorona haiškam peäl* 'каркает, как ворон над падалью' [12, II, с. 247];

– худой: *laiha kuin korppi* 'тощий, как ворон' [9, с. 88];

– голодный: *n'älläz oled gu voron rounu* 'ты голодный, как ворон' [12, VI, с. 686];

– страшный: *se mužikka on aiga gron'i* 'тот мужик настоящий ворон (страшный и худой)' [12, II, с. 385];

– старый и больной: *käivähti kuv vanha vorona* 'передвигается с трудом, как старый ворон' [12, II, с. 547];

– жадный, ненасытный: *šyömärie haukuttih: šyöy da šittuu ku vorona* 'обжор обзывали: ест и гадит, как ворон' [12, V, с. 619]; *še on n'iin ahneh šyömäh, šyöy kiskou ku vorona* 'он такой жадный до еды, что жадно ест, как ворон' [12, I, с. 6]; *kerrytäh kui voronat haiskal* 'налетели, как вороны на падаль' [12, I, с. 6];

– пустослов: *lonkut kui vorona en usso* 'каркаешь, как ворон, не верю' [12, III, с. 151];

– злонравный, упрямый и дерзкий: *ei pie männä hanhen munija korpin pešäštä eččimäh* 'не стоит свататься в злонравную семью' (букв. не надо искать гусиные яйца в гнезде ворона) [12, I, с. 163];

– недоброжелательный: *oisko korppi tuomarinna, korpin lapset laudamiehinä, ei moni mies hevolla ajas* 'если бы у недоброжелательного человека была власть, то последствия были бы плохие' (букв. если был бы ворон судьёй, воронята присяжной комиссией, то не многие бы люди на лошадях ездили) [13, с. 189];

– корыстный: *var'is var'ikselda sil'm'ia ei n'okkiia* 'люди с корыстными интересами всегда будут действовать заодно' (букв. ворон ворону глаз не выклюет) [12, VI, с. 500].

Таким образом, орнитонимы занимают особое место в языковой картине мира карелов. Эти представители фауны широко представлены в традиционной культуре карелов: в свадебных обрядах, народной медицине, похоронно-поминальной обрядности и пр. Карелоязычные именованья ворона, вороны и сороки активно используются в карельских диалектизмах для различных номинаций (например, оценочной характеристики человека), кроме того, они в большом количестве зафиксированы в карельском фольклоре: приметах, фразеологизмах, пословицах и др. Отрицательная коннотация об этих орнитонимах отразилась, например, в следующих оценочных характеристиках человека: внешний вид или особенность внешности (например, *laihu ku varoi* 'тощий' (букв. 'худой, как ворон'); *harakanoprassa* 'образина; неопрятный человек' (букв. 'сорочье пугало'); черты характера (например, *tulou kuin varis liitollah* 'о пунктуальности' (букв. Приходит, как ворона, в срок'; *paskuharakku* 'сплетница' (букв. 'жидкий кал' + 'сорока'); болезненное состояние (например, *täiharakka* 'вшивый' (букв. 'вошь' + 'сорока') и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
2. Винокурова И.Ю. Мифология вепсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 522 с.
3. Гура А.В. Ворон, ворона // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 434-438.
4. Зимин В.Б., Ивантер Э.В. Птицы. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 288 с.
5. Лобанова А.С. Орнитоним рака «ворона (ворон)» в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2016. Том 9. Выпуск 4(36). С. 22-30.
6. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
7. Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.
8. Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 350 с.
9. Федотова В.П. Фразеологический словарь карельского языка: Справочное издание. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.

10. Юзиева К.С. Марийская орнитомиическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... доктора филологии (уральские языки). Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2016. 250 с.
11. Aapala K. Varis. URL: https://www.kotus.fi/nyt/kysymyksia_ja_vastauksia/sanojen_alkuperasta/sanojen_alkuperasta_u-o/varis
12. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s., II – 1974. 591 s., III – 1983. 584 s., IV – 1993. 610 s., V – 1997. 634 s., VI – 2005. 782 s.
13. Miettinen L., Leino P. Karjalaisia sananpolvia. Forssa: Forssan kirjapaino Oy, 1971. 640 s.
14. Nirvi R.E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä. Riista ja kotieläintalous. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainon Oy, 1944. 343 s.
15. Paasio M. Synnyt. Forssa: Forssan kirjapaino Oy, 1976. 249 s.
16. Perttu, P. Etsin Kultaista Kuurna. Petroskoi: Karjala, 1996. 173 s.
17. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS. I – 1992. 486 s., III – 2000. 503 s.

Поступила в редакцию 22.12.2023

Каракин Евгений Валентинович, старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии
E-mail: karakin.86@mail.ru

Пашкова Татьяна Владимировна, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, просп. Ленина, 33

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-2-281-286

E.V. Karakin, T.V. Pashkova

**LINGUOCULTUROLOGICAL INTERPRETATION OF NAMES WITH THE COMPONENTS
VAROI, VARIS 'CROW', HARAKKA, HARAKKU 'MAGPIE' AND BRON'I, KORPPI 'RAVEN'
(BY THE MATERIAL OF THE KARELIAN LANGUAGE)**

This article presents the linguoculturological potential of naming with components varoi, varis 'crow', harakka, harakku 'magpie' and bron'i, korppi 'raven' in the Karelian language. The scientific novelty of the study consists in the first analysis of names with the mentioned components. The relevance of the presented scientific research is determined by the need to study the lexical composition of the Karelian language. Previously, researchers have not addressed this problem on the basis of Karelian material. The authors' field materials, speech samples and dialect dictionaries of the Karelian language served as the source base for collecting language material. It was revealed that the names under study are found in the names of diseases, phraseological units, omens, proverbs, etc. As a rule, these ornithonyms carry a negative connotation, since in folk beliefs they are considered birds that have a connection with another world and are its conductors.

Keywords: Karelian language, linguistic picture of the world, ornithonym, Karelian beliefs, folklore.

REFERENCES

1. Vinokurova I.Yu. Zhivotnye v tradicionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstrukcii) [Animals in the traditional Vepsian worldview (reconstruction experience)]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2006. 448 p. (In Russian).
2. Vinokurova I.Yu. Mifologiya vepsov [Veps mythology]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2015. 522 p. (In Russian).
3. Gura A.V. Voron, vorona [Raven, crow]. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. M.: International relations, 1995. V. 1. p. 434-438. (In Russian).
4. Zimin V.B., Ivanter E.V. Pticy [Birds.]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2002. 288 p. (In Russian).
5. Lobanova A.S. Ornitonim raka «vorona (voron)» v komi-permyackom yazyke. Lingvokulturologicheskij aspekt [Ornithonym of crayfish "crow (raven)" in the Komi-Permyak language. Linguistic and cultural aspect]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology.]. Perm, 2016. Volume 9. Issue 4(36). pp. 22-30. (In Russian).
6. Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskij dialekt) [Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect)]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Russian).
7. Slovar' karel'skogo yazyka (tverskie govory) [Dictionary of the Karelian language (Tver dialects)]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1994. 396 p. (In Russian).

8. Fedotova V.P., Bojko T.P. Slovar' sobstvenno-karel'skih govorov Karelii [Dictionary of proper Karelian dialects of Karelia]. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2009. 350 p. (In Russian).
9. Fedotova V.P. Frazеologicheskiy slovar' karel'skogo yazyka: Spravochnoe izdanie [Phraseological Dictionary of the Karelian Language: Reference Edition.]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 2000. 260 p. (In Russian).
10. Yuzieva K.S. Marijskaya ornitomicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii: diss. ...doktora filosofii (ural'skie yazyki) [Mari Ornithomical Vocabulary in Ethnolinguistic Illumination: Diss. ... Doctor of Philosophy (Ural languages)] Tartu: University of Tartu Press, 2016. 250 p. (In Russian).
11. Aapala K. Varis. URL: https://www.kotus.fi/nyt/kysymyksia_ja_vastauksia/sanojen_alkuperasta/sanojen_alkuperasta_u-o/varis (In Finnish).
12. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 p., II – 1974. 591 p., III – 1983. 584 p., IV – 1993. 610 p., V – 1997. 634 p., VI – 2005. 782 p. (In Finnish).
13. Miettinen L., Leino P. Karjalaisia sananpolvia. Forssa: Forssan kirjapaino Oy, 1971. 640 p. (In Finnish).
14. Nirvi R.E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä. Riista ja kotieläintalous. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainon Oy, 1944. 343 p. (In Finnish).
15. Paasio M. Synnyt. Forssa: Forssan kirjapaino Oy, 1976. 249 p. (In Finnish).
16. Perttu, P. Etsin Kultaista Kuurnaa. Petroskoi: Karjala, 1996. 173 p. (In Finnish).
17. Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS. I – 1992. 486 p., III – 2000. 503 p. (In Finnish).

Received 22.12.2023

Karakin E.V., Senior Lecturer at the Department of Baltic-Finnish Philology

E-mail: karakin.86@mail.ru

Pashkova T.V., Doctor of History, Candidate of Philology, Associate Professor,

Head of the Department of Baltic and Finnish Philology.

E-mail: tvpashkova05@mail.ru

Petrozavodsk State University,

Prosp. Lenina, 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia, 185910